

Не столь давно казалось, что проблема границ осталась лишь в философском, художественном и эпистемологическом контексте. У регионов границ не наблюдалось. Они сами воспринимались периферией, где бы ни располагались. Регионы не желают отождествляться с захолустьем, оттого «центры» у нас повсюду – в последнем поселке есть несколько «центров»: торговых, досуговых, культурных, культовых и пр. Мышление исключительно центрами, очагами и узлами оставляет за бортом внимания и рефлексии большую часть мира, состоящего из периферии, провинции, окраины, глубинки... Эту тенденцию пора переосмыслить, разобраться с ключевыми понятиями. Тем более, что сегодня есть веский повод вспомнить о понятии фронта и заново различить его с границей. Переосмысление же открывает новую, неожиданную картину устройства мира, с которой известные типы деятельности едва ли знакомы.

Ключевые слова: центр; периферия; провинция; регион; фронт; территория; место. /

Not so long ago it seemed that the problem of borders remained only in philosophical, artistic and epistemological contexts. Regions had no borders. They were perceived as peripheries, regardless of their location. Regions do not want to be identified with a hinterland, that is why we have "centres" everywhere. In the hintermost of the villages, there are several "centres": shopping, leisure, cultural, religious, etc. While thinking only in terms of centres, clusters and nodes, we tend to overlook a large part of the world that consists of peripheries, provinces, suburbs, hinterlands... It is time to rethink this trend and to look into the key concepts. Especially as today there is a good reason to recall the concept of the frontier and to newly distinguish it from the border. Rethinking, on the other hand, opens up a new, unexpected structure of the world, with which the known types of activity are hardly familiar.

Keywords: centre; periphery; province; region; frontier; territory; place.

Апология периферии / The apology of the periphery

текст

Петр Капустин

Воронежский государственный технический университет /

text

Petr Kapustin

Voronezh State Technical University

Центр и его отсутствие

Регионы (что бы под этим словом ни подразумевалось) у нас всегда опознаются принципиально двояко: с одной стороны, это точно не центральные локации, что мгновенно порождает комплекс неполноценности и, соответственно, желание его возместить. С другой стороны, остается неистребимо вмененное актуальной культурой ощущение значимости всякой самобытной локации (вот только как ее развернуть, не говоря капитализировать, остается почти всегда нерешенным вопросом). Отсюда и архитектурная трактовка «региональных особенностей»: как бы далеко от метрополий они не находились, всякий раз претендуют на значимое место, а таковой «естественно», почти «автоматически», оказывается топос центра – пусть локального, маленького, но центра самобытности, вокруг которого может развернуться региональная жизнь. Видимо, такая тенденция и тревожила компетентные инстанции, всегда недолюбивавшие регионализм во всех его проявлениях: стать центром или центриком, не без оснований считают там – значит, сделать первый шаг на пути сепаратизма [1].

Мышление «центрами», несомненно, распространено, но оно и достаточно саморазоблачительно. Если вы акцентируете точку сборки предлагаемого вами в некоем локусе, то она неустранимо будет сборкой лишь тех энергий (сил, импульсов, интенций), которые в принципе уже готовы быть собранными там, в точке концентрации замышляемого. Что это значит? То, что замышляемое вами... вторично, идет по стопам чужих и многих успешно осуществленных концентраций (скорее всего, в эпохи известной централизации и достаточно эффективного контроля за исполнением центрально принятых решений). «Центр» – архетип, но и стереотип несамодетерминированных сообществ, настроенных, прежде всего, на потребление готового, на реализацию несобственных, заимствованных ценностей. Центрами гораздо проще управлять, чем, например, сетями, в то время как сети обычно оказываются нужнее. Если вы говорите о центрах, значит, вы не уверены в возможности управления «системой с диссипацией», опасаетесь утратить контроль, оказаться отброшенным волной прогресса на задворки цивилизации. И это интересный и нежи-

данный парадокс: мышление «центрами»... провинциально по своему генезису.

Сегодня времена другие. В контексте сетевых феноменов решающее значение имеет случай. Ваше назначение центра (или центров) имеет шансы оказаться подхваченным и понесенным вдали волной нового центростремительного движения, расширения ареалов новых практик и сервисов. И вы вдруг обнаруживаете, что «центры» – лишь неадекватное название реально работающей сети или периферии. Но может – с почти равным успехом – быть этой волной отвергнуто, проигнорировано. Ведь всякая концентрация не только опирается на силу и авторитет принятого ею «центра» – в силу конвенций, по привычке и «здоровому разумению» (что все чаще оказывается необоснованным допущением). Но она еще и неизбежно «стягивает» на себя все пользовательские ожидания, имеющиеся в данном топосе (смысловом, содержательном узле, а вместе с тем, зачастую, и узле локально-топологическом, уже в географическом смысле – в конкретном городе, месте). Так, она становится по умолчанию маркером в новой лоции функций или услуг, что почти сразу же отображается на соответствующих картах в интернет-поисковиках. Здесь мы имеем дело в двумя вариациями, следствиями неисповедимого общественного выбора: одни из «центров» получают маркер реальности (даже не всегда будучи чем-то вполне реальным), другие же нет. Всякий неосознанный выбор не столько утверждает выбранное, сколько отрицает, отправляет в небытие все отвергнутое этим выбором (в психологии Ж. Пиаже это именуется центрацией).

Форсированная кон-центрация по любому поводу, таким образом, есть стратегия разорительная, она исчерпывает собственные ресурсы. Нередко в фокусе «ока вихря» центростремительных интенций оказывается... пустота – зияющее отсутствие всего, заявленного в качестве значимого содержания. Но, возможно, такова природа всяких центров – этих «черных дыр», стягивающих на себя все свое окружение? Для ответа на этот вопрос нам необходимо заново и критично рассмотреть серию парных понятий, в которых сегодня так или иначе осмысляется проблематика регионалистики, в т. ч. ар-

< Рис. 1. «Широкая высокогорная долина в южном Шварцвальде» – территория мысли и самоопределения Мартина Хайдеггера. Собственно, его периферия, но, отнюдь, не его регион: последний охватывал слишком многое, чтобы быть локализованным на картах

хитектурно-градостроительной. Прежде всего нас будут интересовать альтернативные всяческим «центрам» (или дополняющие их) стратегии и концепты.

Район и регион

О различии региона и района мы уже писали [2]. В частности, со ссылкой на разработки А. Е. Левинтова, там утверждалось: «В отличие от района, регион – не столько территориальное, сколько деятельностное и «идейное» понятие – существует не в физическом пространстве экономгеографии, а в пространстве идей, знаний, методов деятельности, это – «воспроизводственная структура на мировых путях развития» [3, с. 48]. «Регионы не назначаются сверху и не обнаруживаются на карте, они создаются, выращиваются» [2, с. 170]. «Регион» – слово красивое; употребляют его очень часто, но почти всегда не по делу.

В архитектуре и урбанизме представление о регионе было заявлено Кевином Линчем, причем представление это носило *par excellence* проектный, а не описательный характер. Однако Линч не вполне освободился от естественнонаучного натурализма; его представления о регионе не отличаются той методологической четкостью и концептуальной собранностью, которая присуща методологическим концептам отечественной традиции [3; 4]. Но у К. Линча уже появляется вполне осознанное понимание того, что регионы не совпадают с территориальными единицами, что они неформальны. Разумеется, Линч в тематике региона впадает в сенсуализм, он говорит о чувственных качествах территорий, о том, что политика управления регионами (при отсутствии органов регионального управления в США, которое он специально отмечает) обязана с необходимостью включить в свой инструментарий, помимо прочего, еще и «сенсорное программирование» (оригинальное название книги «Managing the sense of a region», 1976). В книге речь сразу заходит обо всех органах чувств, об их значимости в «восприятии региона» и в активности по его осмыслению. Линч задает образ долины – Мишн-вэлли (Mission Valley), некогда природной, но быстро урбанизовавшейся и поглощенной городом Сан-Диего. «Я предлагаю занять особую позицию: воспринимаемые

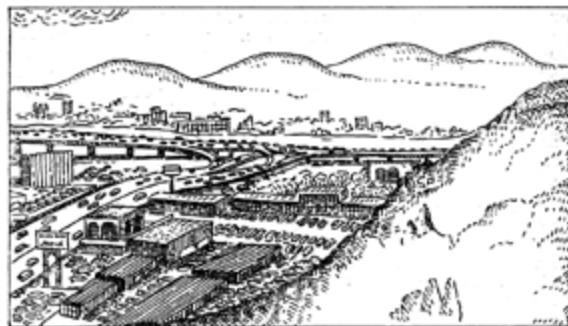
человеком качества окружения необходимо проектировать в региональном масштабе, поскольку происшедшее с Мишн-вэлли определялось региональными соображениями и люди теперь живут именно в этом масштабе», – пишет К. Линч [5, с. 219]. Но тут же он признает принципиальную невозможность заявленной стратегии: «Совсем непросто найти одно простое слово для определения ощутимого качества какого-то места.

< Рис. 2. Долина Шварцвальда. Тихая и уютная швабская провинция. Если бы не М. Хайдеггер, быть бы ей глубоким захолустьем (пусть и с высоким уровнем жизни обывателей). Но Хайдеггер перевел ее в ранг персональной периферии – тут он искал и находил основания того, с чем столь весомо выступал в европейских центрах

Есть точные слова для отдельных ощущений: зрение, слух, осязание, обоняние. Но стоит попытаться говорить о чувствах обобщающим образом, как мы обнаруживаем себя на свалке старых противоречий психологии и этики» [5, с. 224]. Отсюда вывод: «Вопросы проектирования чувственной формы в масштабе крупных территорий по сей день ограничиваются приблизительными описаниями. Методика нашего действия должна выйти за рамки печальных размышлений, «художественных концепций», проповедей, раздутых и совершенно лишенных реальности генеральных планов, на которые столь часто пытаются полагаться» [5, с. 246]. Нельзя сказать, что известные по сей день формы деятельности сумели хоть немного оторваться от столь жесткой характеристики.

> Рис. 3. Рисунки К. Линча из книги «Осмысление региона». Долина Мишн-вэлли в прошлом и настоящем [5, с. 218]

< Рис. 4. Застройка долины Мишн-вэлли, сенсорные качества которой столь волновали К. Линча. В отличие от широко разрекламированной, едва ли не хрестоматийной для американской регионалистики долины реки Теннесси, ставшей локусом гигантских инвестиций денег и федеральных амбиций, эта скромная городская долина сумела стать примером собственно регионального, чувственного переживания и осмысления. Примером, скорее, негативным. Интересно сравнить эволюцию Мишн-вэлли с паттерном № 4 «Сельскохозяйственные долины» у Кристофера Александра с соавторами: там неоднократно рекомендуется «оберегать эти земли от любого развития», даже при полном понимании того, что они расположены внутри активно урбанизирующейся территории [6, с. 70–72]. «Развития» не удалось избежать ни масштабной долине Теннесси, ни локальной долине Мишн-вэлли, по факту ставших урбанизированными и индустриализованными районами. Видимо, это произошло потому, что, в отличие от до сих пор держащейся вдали от такого внешнего «развития» долины Шварцвальда, в них не нашлось регионального субъекта (актора, по типологии А. Турена), способного замкнуть всякие инициативы с развитием на себя, определять как масштабы, так и характер действительного развития

Можно было бы критически отнестись к построениям Линча более чем полувековой давности, однако он и сам довольно самокритичен. Он вполне внятно опознает необходимость перехода от формально-географических представлений к терминологии центра и периферии, их диалектики, их деятельностного, а не натуралистического союза. В частности, Линч пишет о необходимости присутствия активных субъектов на периферии, что, собственно, и создает связность региона: «Одной из форм утверждения службы проектирования могло бы стать приписывание штатных проектировщиков к определенным зонам региона для работы на месте и обеспечения связи с центром. Со временем они приобретали бы детальное знание своей зоны и ее обитателей, подсказывая им определенные приемы воздействия на те решения частных и общественных сил, которые постоянно на них обрушиваются» [5, с. 255]. Бюрократизм формулировок не должен смущать: в те годы можно было иметь дело лишь с централизованными службами планирования. И еще, существенное: «Центр контроля и принятия решений – вот о чем здесь идет речь. Должен ли дизайн среды быть централизованным или децентрализованным и до какой степени? <...> В самом деле, крупномасштабное проектирование нередко оказывалось средством усиления и символического выражения централизации власти (здесь К. Линч пишет о Древнем Египте, восточных и южноамериканских деспотиях – ПК). Священный трепет, внушаемый этими монументальными композициями, был прямым орудием централизации власти в перегруппировывающем свои ресурсы обществе» [5, с. 275–276].

«Найдутся ли профессионалы, – спрашивает Кевин Линч, – которые отвергнут все названные подходы. Для них правильная стратегия заключается в том, чтобы максимально децентрализовать действие. <...> Свергнуть с пьедестала богоподобного проектировщика или превратить его в учителя среди равных ему учеников, в специализированного сотворца. Профессиональные тайны проектирования следует превратить в доступную информацию, пользуясь которой малые группы смогли бы придать форму своему месту» [5, с. 276]. Да, для региона, в отличие от умиротворенного района, необходимы

^ Рис. 6. М. В. Добужинский. Провинция (Воронеж). 1912. Воронежский музей им. И. Н. Крамского. Российская провинция начала XX столетия затаилась в ожидании; век неоднократно пройдет по ней фронтами войн и фронтами открытий. Город Засечной черты, веками стороживший буйный восток, станет рубежом, за который – уже с запада – не сможет пройти враг

^ Рис. 5. М. В. Добужинский. Провинция 1830-х годов. 1907–1908. Образ провинции исторически менялся. В частности, он зависел от настроений в обществе. В XVII и XVIII веках провинция представлялась в пасторальном и романтическом духе, в конце XIX – начале XX вв. – в свете социальной сатиры. Но XVIII век был эпохой децентрации, продолжающейся на излете географических открытий, в т. ч. и персональных. В путешествиях по периферии цивилизации обретался новый дух: «Путешествия воспитывают юношество». А со второй половины XIX в. – время централизации власти и промышленной концентрации, провинции быстро уходят в «отвал» прогресса. В XVIII веке на провинции еще смотрели как на источник новых образов, идей, чувств; а в конце XIX и в XX в. от них уже ничего не ждуть: теперь провинции просят милостей от метрополий. Тем самым миссия периферии окончательно оторвалась от общественного образа провинции, очередной раз обнажив верность тезиса о несводимости бытия и мышления. Обратим также внимание в работе Добужинского на символы присутствия государственной власти – обязательные, но... ослабленные, спящие

«нигилисты», искатели, для которых еще ничто не предопределено и никакие иерархии не действительны. Они действуют «горизонтально», вне профессиональных и прочих предрассудков, содействуют «местам» (по сути, создавая их). Если они что и чувствуют, то все же не законченный «сенсорный образ региона», который следует воспринять и адекватно изобразить, но, подобно волкам, рыскающим по окраинам, ищут ресурсы и возможности, взвешивают силу и слабину, определяют направления прорыва.

Линч ошибался. Регионы не чувственны, они интеллигентны: построение образа региона – вопрос не рецепторной психологии, но особым образом организованного рефлексивного сознания, имеющего дело с базовыми характеристиками региона, а не со всем набором многочисленных «факторов», которые способен выявить и предъявить морфологический анализ. Как и в теме т. н. региональной идентичности, последний хорош лишь для задач выстраивания коммерческого брендинга, для того, чтобы продать территорию подороже. Проектируя регион (в отличие от пейзажа), необходимо задавать не последовательность сенсорных впечатлений, но смыслы и содержания.

«Итак, регионы – организованности деятельности и знания, а не территории. Для их организации требуются весьма продвинутое теоретико-методологические представления и рафинированная культура в самых различных сферах деятельности» [2, с. 171]. Продолжим эту логику в других парах категорий.

Провинция и периферия

Классическое немецкое «единое и целое» в случае регионалистики (как и в случае со средой) входит во внутренний конфликт и распадается пополам: целому принадлежит живое и организмическое, способное к самостоятельному развитию; единое же обнаруживает свою дисциплинарную природу (не столько уже греческую, сколько прусскую): оно не органично, но организационно, оно не живое, а формально-суподчиненное.

Различие между периферией – предмаргинальной локацией целого, и провинцией – локусом воли, до которого еще достигает централизованная власть, довольно

очевидно. Первая – «корочка», вариация того же самого, но слегка измененного местом своего расположения на краю, что, так или иначе, обязывает к некоторой самости. Это – неотъемлемая и вполне естественная часть чего-то целого, как золотистый бортик по периметру свежеспеченного оладушка. Вторая, то есть провинция, есть назначенное из центра представительство его, центра, воли и власти, которой отпущена, возможно, некоторая мера самостоятельности, но лишь в силу удаленности от центра и связанного с этой удаленностью ослабления контроля.

Периферия – зона «того же самого», лишь отнесенная от центра, что совершенно неудивительно: не всему же концентрироваться в центре. Все имеет закраины и пределы разворачивания, а в достижимых пределах сохраняется автономия тела, поддерживается его самобытность. Но удаленность от центра оставляет следы. Периферия получает преференции: ее качества могут существенно отличаться от центральной и примыкающим к центру областям, оставаясь плодотворными вариациями целого. Провинции расположены «на земле» («на грунте»), как выражаются в некоторых фантастических романах космонавты, совершившие посадку на ту или иную планету), но периферии существуют в мире мышления и деятельности, лишь по сопричастности, по факту присутствия захватывая «грунт».

Колониальная природа провинции неустраима, за ней всегда предполагается нечто иное, первичное, предшествовавшее наложенной «сверху» функции соучастия в навязанном едином. И иное норовит взять реванш, хотя реванши его, как правило, слабы и декоративны – именно это и способна ухватить дизайнерская, брендинговая айдентика. Вместе с тем в термине уже заложена вторичность и послабление; предполагается, что провинциальность – грех хоть и малоприятный, но простительный.

Провинция – не «корочка» метрополии, это, напротив, ее недостаточно пока прожаренный «мякиш». Оттого провинция всякий раз существует как бы временно, до тех пор, пока границы империи единого не будут отодвинуты далеко за ее пределы. Или пока не придет ревизор. Здесь нет уже органического целого: утверждаемое из центра единое – это унификация всех

^ Рис. 8. Галактика – вот где становится ясно, что жизнь возможна скорее на периферии, чем в центре!

^ Рис. 7. Периферия компьютера определяется своим положением относительно центра, связкой с ним, соотношением обеспечения, инструментальности, поддержки, освоения доступного, изыскания пределов

1. «Жители города дивятся – как можно так долго оставаться одному среди однообразия крестьянской жизни. Однако я тут не в одиночестве – я в уединении. В больших городах легко оставаться одному – легко как едва ли еще где. А жить уединенно там нельзя. Ибо первозданная сила присуща уединению – оно не обособляет, не разъединяет, но все существование твое здесь круто обрушивает в самую широту близости и сущности всех вещей» [7]. Хайдеггер точно описывает энергетическую и креативную вольту периферии, а акцент на уединении – конститутивный для темы периферии.

2. «И все это опять же не в особо избранные мгновения сознательного сосредоточения, нарочитого вчувствования, а только тогда, когда свое собственное существование – внутри своего труда, в нем. Только труд разверзает просторы, в какие вступит действительность этих гор. Черета трудов до конца погружена в ландшафт, в его совершающееся пребывание» [7].

значимых параметров (оттого столь нелепы распространенные ныне попытки предьявить в качестве местных «стратегий развития» простое исполнение спущенных сверху параметров). Нет никакой автономии, а появляющиеся де-факто свободы – не более чем недоработка: ведь всегда не хватает подготовленных людей, войск, легионов...

Провинция – римское, т. е. политическое изобретение (на нем Рим и прокололся), а периферия – не более чем морфологическая характеристика краев всякой протяженной формы. В современных терминах, кажется, можно сказать и так: провинция – часть (и обуза) районов (прежде всего экономгеографических и административных), а периферия – феномен (и ресурс) регионов. Провинции вечно «спят», а в периферии всегда что-то зреет.

Заметна и топологическая разница: провинция – это пятно на карте, зона, имеющая определенные очертания (они легко отождествляются с административными границами). А периферия, скорее, линия, полоса, кромка; ее внутренняя, обращенная к центру, граница, как правило, размыта, диффузна.

Провинция может иметь функциональный профиль – сельскохозяйственный, промышленный и пр., но в общем виде она – часть гомогенного образования, функции которого лишь разнесены по зонам. Периферия же скорее инструментальна, она порождается не функциональным зонированием, не назначением профиля и не размещением производительных сил на территории. Как «периферия» компьютера, она определяется своим положением относительно центра, связкой с ним, соотношением обеспечения, поддержки, освоения доступного, изыскания пределов.

Разумеется, в географической реальности провинции и периферии переплетены; различаются они лишь интенциями: куда готовы встать, какое место занять. В силу сложных наложений и переплетений в провинции могут появляться новации, однако они с момента возникновения стремятся к центру, где единственно могут найти развитие и применение. Провинции центристательны, поскольку им свойственен, пусть и тщательно скрывааемый, комплекс упомянутой выше

неполноценности. Провинции неуместно переосмыслить метрополию, мыслить в категориях связей и влияний, осмыслить регион. Провинции не создают регионы и не совпадают с ними: они совпадают лишь с административными и хозяйственными районами. Мартин Хайдеггер в небольшом произведении «Почему мы остаемся в провинции?» пишет о швабской глубинке – «широкой высокогорной долине в южном Шварцвальде» как об излюбленном им месте спокойного размышления, философской работы (отчего текст имеет еще и название «Творческий ландшафт») (прим. 1). Однако все мышление и творчество осуществляет именно и только он – приезжий столичный профессор. Провинция выступает для него ландшафтом (территорией, как скажем мы ниже) его собственной мысли. Провинция используется Хайдеггером в качестве периферии его деятельностного пространства (прим. 2): в ней он черпает ресурсы; он, а не его соседи-крестьяне, переосмысляет философию, страну, историю, мир. Но Хайдеггер указывает на принципиальную укорененность своих идей именно здесь, в т. ч. в менталитете соседей, в ландшафте, истории и прочих с трудом верифицируемых, но объективных ценностях.

Периферия в силу своего различия с центром, в силу обеспечиваемого ею рефлексивного уединения (Хайдеггер его особенно выделяет, различив с одиночеством) – идеальное место осмысления целого, проблематизации всяких центров, выработки альтернатив и идей развития. Забота о центре – миссия периферии (в то время как провинция, напротив, получает регулярную заботу от метрополии). Но забота в первом случае может быть разнообразной по проявлениям и результатам, а во втором она монотонна и нормативна. Периферия – фронтир своего Центра, там еще ничто не предопределено, там происходит поиск, разведка, генерация нового и апробирование полезного, а также фильтрация и санация вредного. Провинция – тихий уголок, а на периферии всякой приличной империи всегда беспокойно, ибо это – зона контакта с Иным.

«Повышая контрастность», можно сказать и так: провинция – территория, выделенная где-то, по определению, вдали от буйства жизни и клокотания мысли. А периферия – сама есть ареал, регион мышления,

существует она не на карте, но в напряжении мысли и воображения, в ддящемся овозможении мыслимых и немислимых ресурсов развития. Но нельзя сказать, что провинция существует объективно, а периферия – субъективно, лишь в воображении. Скорее наоборот, провинция – плод властной воли и воображения, лишь за их счет она и живет; периферия – естественная и неустрашаемая черта самоорганизации всяких центробежных и центростремительных систем.

Прекрасный образ, иллюстрирующий различие периферии/центра и провинции/метрополии, – образ спиральной галактики, такой, как Млечный Путь. В ее центре – сверхмассивная черная дыра, ее неумолимой гравитационной власти подчинена вся система, но черная дыра – не метрополия, а «рукава» галактики – не провинция в ее хозяйственном управлении. И сколько бы ни был этот образ фаталистическим, обитание на периферии («чем дальше – тем лучше») – самое подходящее место для познания и мышления, для открытий и освоения целого, включая, быть может, и самый приближающийся «горизонт событий».

Наконец, обратим внимание на этимологию слов. «Провинция» происходит от латинского *provincia*, где *pro* – «вперед, для, за, вместо»; казалось бы, вполне проектные интенции. Но доминирует здесь, увы, «вместо», что, совокупно с *vincere* – «побеждать; превосходить» (из праиндоевропейского *weik* – «бороться, завоевывать») означает весьма двусмысленное «вместо победы». Известно, что императоры Рима даровали провинции своим стратегам за военные победы. Но тем же и отсылали их подальше от Рима; отсюда и двусмыслен-

ность. Этимологию не отменить: победа прошла, и вот вам вместо нее, в награду за труды немалые – провинция. Коль вы настолько круты, что завоевываете территории, вам ими и заниматься, вдалеке. Ну, сами «виноваты»... Русское «провинность» не случайно резонирует с этим неоднозначным словом.

Периферия же – заимствование из французского языка XIX в., в котором *peripherie* произошла от греческого *periphoreia*, возникшего путем сложения *peri* «вокруг, кругом» и *pherein* «нести». Несение округи, Обод Колеса, Стальная Шина, соприкасающаяся с внешним и охраняющая центр – Ступицу (столицу). Региональный субъект [3] – тот, кто ответственно (и далеко) «несет округу» в тех или иных ее принципиальных значениях, как правило, не материальных. Но вовсе не тот, кто несет административную ответственность за состояние «туловища» своего района, своей провинции.

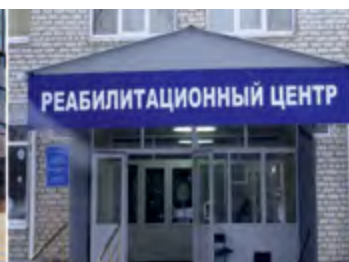
Граница и фронтир

Еще одна пара понятий, которые должны быть различены – это граница и фронтир. Граница, линия удержания внутреннего – статичная, так или иначе укрепленная полоса, разделяющая своих и чужих. С границей шутки плохи: она наэлектризована волей защиты, обороны; это линия прерванного контакта, который запрещен самой логикой границы. Важно и то, что граница свойственна районам – пятнам на карте, то есть она сугубо географична, легко и даже с необходимостью проводима по картам.

Сегодня границы заявили о себе, их приходится переосмыслять заново. Вновь актуален образ фронта. А значит и регионы можно начинать мыслить по-иному: центростремительная сила в их формировании уравни-

^ Рис. 10. Культ «центра» легко доходит до пределов всякой осмысленности, всего лишь следуя за конвенцией и мнимой очевидностью, превратившими представление о «центре» в повседневный словесный штамп

v Рис. 9. Несколько примеров дорефлективного культа «центра». Во всех представленных случаях гораздо более социально, организационно и технологически адекватным было бы развертывание сети периферийных филиалов, а не формальная централизация деятельности

< Рис. 11. Конstellация. Ландшафт Центрального Черноземья, одного из важнейших регионов России. Фото А. Кирнов

вешивается центробежной, концентрация – рассеянием и новой сборкой по маргиналиям, централизация – усилением пограничья. Для архитектуры, урбанистики и дизайна пространства – это новые ресурсы образности и смысла.

Понятия границы и региона несовместимы. У регионов нет и не может быть границ (что прекрасно обозначил В. В. Путин в известном суждении, что Россия не заканчивается нигде). Границы способны охватить, ограничить лишь то, что уже остановилось, что имеет внутреннюю собранность и устойчивое единство, но не обладает идущими вовне импульсами и интенциями самоопределяющегося целого. Граница – зона успокоения и... «упокоения» имеющегося. Районы могут и должны иметь границы, страны обязаны их иметь. Но границы в случае динамичных и масштабных исторических и надгеографических образований теряют всякий смысл: они неспособны ничего удержать, очерчиваемая ими территория не конгруэнтна действительным и живым организациям, достаточно индифферентно соотносимым с картами и планиметрией. Таков регион – организованность идей и духа, а не экономического и хозяйственного соподчинения. Где проходят границы региона по имени Русский Мир? Их обнаружить, задать, прорисовать по географическим картам не представляется возможным. Но фронтир у него есть, он нагляден, хотя и не совпадает с одной лишь изменяющейся линией актуального фронта «на земле».

Фронтир, по определению, линия движущаяся, смещающаяся в сторону имеющегося интереса, цели, ценности, долга. Несомненно, фронтир – «боевой рубеж» всякой периферии. Всякая же провинция способна лишь провалить миссию фронта: в ней нет ни должных сил, ни самоопределения (то есть концентрации воли) для его удержания. Если вам нужен фронтир на приграничных провинциях, то вам необходимо выстраивать там периферию именно того, что для вас действительно центрально, а не того, что просто в силу обстоятельств расположено где-то на удалении и лишь формально сопричастно центру.

В отличие от границы, фронтир не прочерчивается строго, не подчиняется параметрическим нормам

описания, обязательным для географии и геометрии. Его границы диффузны, проницаемы в обоих направлениях, что, хотя и создает известные сложности, все же необходимо для миссии «губки», впитывающей новое; как и «фильтра», отсекающего лишнее. Однако расположен фронтир всякий раз... знамо где; более того, в отличии от границ, положение которых не все помнят наизусть, но которое всегда можно уточнить в объективных и обезличенных источниках информации, прохождение фронта составляет очевидную, всем понятную, но... едва ли не интимную черту регионального или национального характера, определяет актуальную характеристику коллективного самоопределения. Так, Мартин Хайдеггер, будучи спрошен о трассировке фронта, очерчивающего регион его персональной самоидентичности, не стал бы говорить об административных границах Шварцвальда, но заявил бы о «вековой алеманнско-швабской самобытности», которую «нечем заменить» [7]. Водоразделы этой самобытности очевидно не совпадают с границами «широкой высокогорной долины», а если и совпадают, то случайным и необязательным образом. Во всяком случае, швабский фронтир здесь держит лишь он один, Мартин Хайдеггер; остальные соседи, сколько бы он на их самосознание ни ссылался, суть лишь насельники уютной провинции.

Сказанное приводит к неожиданному и неочевидному выводу: для активации фронта, для подключения периферии, для возникновения региона необходим активный субъект, деятель. Собственно, и история, и современные события этот тезис подтверждают, и лишь морок географического, даже картографического объективизма тормозит его окончательное принятие.

Место и территория

В рамках нашей апологии периферии мы вынуждены признать: периферия – территория, но не Место (имея в виду все положительные коннотации этого популярного слова, апология которого выстроилась за последние годы уже в достаточной мере). Если Место – обжитый и освоенный ценностным чувством локус (таковы в норме и провинции), вполне состоявшийся и «законченный», то территория, скорее, материал, сырая и неоформ-

ленная, но ждущая и требующая оформления открытость. Да, территория чревата новыми открытиями, связана с риском, незакончена, требует своего доопределения. Фронт новаций сдвигается его субъектами именно по неизведанной и «дикой» территории, в достаточной по емкости периферийной полосе или зоне. Стоит ли говорить, что такой территорией может выступить... топика философской мысли, проблематика регионально значимого творчества, сохранение самобытных традиций и их носителей, принципы региональной архитектурной школы и т. п.

Термину «территориальное развитие» в этом свете следует вернуть его изначальный смысл – не приращение территорий (оно суть отдельное занятие, точно не совпадающее с предметом архитектуры и урбанистики) и не «развитие» самих территорий. Но развитие людей, акторов, действующих на территориях, осваивающих периферию (В. Л. Глазычев, предлагая термин, имел в виду именно это [8]).

Значение периферии резко возрастает сегодня, когда, как кажется, меняется традиционная, многовековая расстановка (диспозитив) в процессах развития. Новации теперь появляются здесь, а не в местах концентрации (в чем состояла историческая миссия городов, особенно столиц). Точнее: инновационные функции центров и столиц стали сегодня чем-то вроде «естественной» технической процедуры, уже недостаточной для темпов развития, которую стали именовать «пространственной и несамодостаточной». Новации появляются *par excellence* на периферии (на это, кажется, одним из первых обратил внимание А. Г. Раппапорт [9]), а не в центре – это новое, что оказалось сегодня приоткрытым. Повторим: не в провинциях, не в глуши удаленных мест и местечек, но в активной и напряженной периферии, инфраструктурно неотрывной от центра. Шоковое, болезненное переживание периферии сегодня заставило вновь вспомнить обсуждаемое нами различие.

На территориях еще нет мест (а прежних уже нет), но для периферии это не проблема: всему свое время. Это не проблема еще и потому, что наша архитектура, т. н. «градостроительство» и «районная планировка» десятилетиями создавали вовсе не полноценные места, но именно территории – зоны борьбы за выживание. Территория, в отличие от места, есть поле битв интересов, надежд, проектов, страстей и страхов. Последнее, т. е. страх – обязательно, конститутивно для территорий (*terror* – земля как юдоль страданий (прим. 3)). Это в местах все свои, все тихо и мирно, развитие может и не требоваться (вследствие этого его обычно избегают или имитируют), а бояться нечего.

Сдвиг акцентов в деле развития открывает, помимо прочего, новые смыслы того вида деятельности, который был у нас громко заявлен несколько лет назад, но как-то тихо сдулся – «пространственное развитие». В отличие от развития территориального (см. выше), с которым путать его уже не следует, пространственное развитие – все же не только развитие людей (на территории или «в пространстве»), это совокупное развертывание сетей и систем мышления и деятельности, обеспечивающих связность центров и их периферий. Такие сети по определению протяженны, а системы сложны и неравномерны, но это пульсирующее целое единственно и способно работать – в отличие от мертворожденных идей равномерного распределения из центра, властного подчинения метрополии, рассеяния и «глотания пыли», в данном случае дорожной. Римские военные метафоры захвата территорий и усмирения провинций – основа колониального менталитета, которому столетиями принадлежали многие стратегии «освоения пространства», вплоть до схем «распределения производительных

сил», размещения территориально-производственных комплексов или терпланирования. Развитие, о котором говорим мы, потому и пространственное, что не сводится к планиметрии карт, к стрелкам перемещения по картам «развивающих» усилий (в виде денег, ресурсов, людей). Оно повсеместно, «3D», хотя и локально в каждой точке своего развертывания.

А места – это прекрасно! Умение создавать места – очаги обжитого пространства, наполненные идентичностью, смыслами и памятью, – необходимый, но следующий этап пространственного развития (прим. 4). Изживая провинциальность [9; 10] и преобразуя территории (в рассмотренной нами логике), мы, наконец, восстановим и полноценный инструментальный созидания мест, почти забытый и долго невостребованный: ведь до него десятилетиями в стране не доходили руки. Возрождение категории «место» – значимый и обнадеживающий симптом, о котором уже немало сказано, в т. ч. и нами [2; 11; 12]. Но это – отдельная тема.

Формы мыслимости всех пространственных сетей (сетевых конструкций, совсем не только в смысле Интернета) – непечатое поле для переосмысления. Линия, полоса, поле, сеть, констелляция [13]... Но, заметим, не агломерация: она есть система, а система и сеть – разные организованности. Сеть не терпит иерархий, а все наши агломерации – иерархические системы, контролирующие свои границы, четко разделяющие отношения внутри/снаружи. Проведенная черта в системе (агломерации) является границей, но в сети она есть связь: отсекает/соединяет, соответственно. У нас, по сути, еще не сложились сетевые формы обитаемого пространства, способные стать единицами практики пространственного развития. Строить новую практику придется на «чистой доске», никому не подражая, иначе никого не догоним, будем вечными аутсайдерами.

Поскольку культура осуществляется в социуме локально – регионами содержания и смысла, ценностей и памяти, то вопрос о культуре имеет самое прямое отношение к пространственному развитию. Институты трансляции культуры, создающие очаги уникального содержания и связи между ними – самый, пожалуй, действенный инструмент (стратегия) пространственного развития. Отсюда интерес к традициям и локальности, в последнее время – к вернакуляру. Трансляция здесь предполагает уже не распределение единого, но обмен содержанием, наполнение «кровеносных сосудов» регионов.

Итак. Сказанное и подразумеваемое

Очевидно, обсуждаемые нами понятия не расположены на одной плоскости, где бы ее ни проводить – по земле, по карте, по воображаемым пространствам. Они, скорее, соединяют разные планы, связывают их в единство представления о многомерной организации реального пространства деятельности, инициатив, событий. Все вместе они приводят к довольно нетривиальным выводам.

Так, региональность – не территориальная черта (хотя и не экстерриториальная, конечно) в том смысле, что задается и определяется не территорией (в т. ч. ландшафтом) и, соответственно, не архитектурой (не морфологией городов, в т. ч. не их планировочной структурой, где ее все еще продолжают искать). Все это вместе (плюс многое другое: память места, история, символика, легенды и предания...), вероятно, работает совокупно на феномен идентичности, на «здесь-вот» – эффект (работает в подходящих условиях – пока не совсем ясно, каких именно: ведь бывает, что и не работает...). Но региональность, цепляясь за этот «нижний» план, формируется все же иначе – как феноменологически опознаваемое качество неповторимых значений

3. «Происхождение данного слова окутано таинственностью с религиозным подтекстом. В некоторых источниках место, куда были изгнаны жители Рая – Адам и Ева – за свои прегрешения, называется «терра». От латинского *terror* – ужас, страх». Из просторов Интернета [14].

4. А. Г. Раппапорт писал: «Я думаю, через сто-двести лет архитекторы поймут, что их профессиональная интуиция есть способность к своего рода резонансу». С этим суждением можно согласиться: при отсутствии объектных картин такой степени сложности и масштаба, как регион, культурный ландшафт, место, есть один путь: настройка сознания на «волну» – на онтологические, точнее даже феноменологические эманации. «Взращиванием такой именно резонансной чуткости и должны бы заниматься институты воспроизводства деятельности», – отреагировал автор настоящей статьи [15].

и смыслов, раскрывающихся в деятельности, в «трудах», по М. Хайдеггеру.

Регион – это совокупность уникальных идей, форм мышления и понимания. А также совокупность способов формулировать идеи и представления, в т. ч. и в конфигурациях вербального дискурса, и в формах архитектуры, преобразованного ландшафта – уже как «естественное» следствие.

Можно сказать и методологическим языком: регион – это организованность мышления и деятельности (мыслительности), но беда в том, что таким инструментарием не прорвешься к морфологии региональных и прочих локальностей (как и сред); высокий уровень абстракций туда спуститься не может, приходится заимствовать слова и представления из... чего угодно, и тем самым терять содержание. Вся сложность таких тем – соединение методологического «верха» и фактографического «низа»; между ними практически всегда остается зияние, разрыв. В этом есть опасность. Концепты такого рода, как «Русский Мир» вообще индифферентны всяким локациям, имеют негеографическую природу. Однако применять, примеривать их к территориям, натягивать их на различные административные единицы, на судьбы конкретных сообществ и отдельных людей никогда не перестанут. Понятно, чем сие чревато. Разрыв огромный и кровоточит.

В архитектуре указанная разрывность представляется просто очевидной, наглядной. Представляется, что формальные, стилистические, морфологические характеристики архитектуры всякий раз оказываются... «ортогональными» тем содержательным аспектам, которые составляют «региональную специфику» архитектуры той или иной страны, эпохи, места. Они, несомненно, втягиваются в эту специфику, но... каким-то вторичным образом, по сопричастности. Ведь формальный анализ легко выделит примерно те же наборы элементов, что и в архитектуре иных регионов (соборы Московского Кремля – прекрасный пример). С другой стороны, он уж точно выделит совсем иной формальный ассортимент в архитектуре иного времени тут же, не сходя с места, который не менее, например, «русский», чем до или после него.

По указанной причине автор скептически относится к тематике региональных или национальных стилей и тем более – их целенаправленного культивирования в качестве средств достижения региональной идентичности. Узнаваемые наборы форм и приемов, разумеется, неплохо, но это, скорее, тематика брендинга, полезная, но по своей природе коммерческая, а не содержательная, культурная или историческая. В этом свете и пресловутая «айдентика» давно уже есть инструмент брендинга, ее уже не столько обнаруживают исследовательским поиском, сколько задают проектно, дизайнерски. Такие стратегии имеют все права на существование, более того, они успешно развиваются и захватывают все новые ареалы и территории. Но нельзя связывать с ними решение проблематики региональной, средовой и прочей идентичности.

Литература

1. Щипков, В. А. Регионализм как идеология глобализма : монография. – Москва : МГИМО-Университет, 2017. – 188 с.
2. Капустин, П. Региональные школы: от проектов к надеждам // Проект Байкал. – 2020. – № 65. – С. 168–171.
3. Левинтов, А. Е. От района к региону: на пути к хозяйственной географии // Вопросы методологии. – 1991. – № 3 – С. 45–52. – URL: <https://www.fondgp.ru/publications/от-района-к-региону-на-пути-к-хозяйству/> (дата обращения: 25.03.2023).
4. Копылов, Г. Г. Регион-сеть и региональные программы // Кентавр. – 1993. – № 2. – С. 16–22. – URL: https://www.kentavr.mathedu.ru/text/kentavr_1993_2 (дата обращения: 25.03.2023).
5. Линч, К. Образ города. – Москва : Стройиздат, 1982. – С. 217–311.

6. Александер, Кр., Исикава, С., Сильверштейн, М. Язык шаблонов. Города. Здания. Строительство. – Москва : Студия Артемия Лебедева, 2014. – 1096 с.
7. Хайдеггер, М. Творческий ландшафт : Почему мы остаемся в провинции? – URL: <https://askrsvarte.org/blog/v...provincii/> (дата обращения: 25.03.2023).
8. Глазычев, В. Л. Глубинная Россия : 2000–2002. – Москва : Новое Изд-во, 2003. – 328 с.
9. Раппапорт, А. О провинциализме // Проект Байкал. – 2017. – № 52. – С. 50–52.
10. Багина, Е. О провинциальности, жадности и тоске по столичной жизни // Проект Байкал. – 2017. – № 52. – С. 62–63.
11. Капустин, П. В. Опыт феноменологического анализа архитектурно-проектной категории «место» // Архитектура и дизайн в современном обществе: российский опыт и мировые тенденции : материалы Всерос. науч. конф. (23–24 октября 2012 г.). – Екатеринбург : Архитектон, 2012. – С. 40–42.
12. Капустин, П. В. «Здоровый город» и живое место // Проект Байкал. – 2019. – № 60. – С. 90–95.
13. Капустин, П. В. Запад – Восток – воображение линии // Проект Байкал. – 2017. – № 54. – С. 66–70.
14. Фролова, А. Что такое «территория»? Значение слова. – URL: <https://fb.ru/article/361595/chto-takoe-territoriya-znachenie-slova> (дата обращения: 25.03.2023).
15. Капустин, П. В. Смыслы, как и все «гуманитарное», давно отнесены к факультативной части. Комментарий Петра Капустина к лекции Александра Раппапорта // АРХИ. ру : Агентство архитектурных новостей. – URL: http://archi.ru/agency/news_current.html?nid=45112 (дата обращения: 25.03.2023).

References

- Alexander, Ch., Ishikawa, S., & Silverstein, M. (2014). *A Pattern language: Towns. Buildings. Construction*. Moscow: Artemy Lebedev Studio.
- Bagina, E. (2017). On provinciality, greed and aspiration for a metropolitan life. *Project Baikal*, 14(52), 62-63. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.52.1164>
- Frolova, A. (2017, December 2). *Chto takoe "territoriya"? Znachenie slova [What is "territory"? The meaning of the word]*. FB. Retrieved March 25, 2023, from <https://fb.ru/article/361595/chto-takoe-territoriya-znachenie-slova>
- Glazychev, V. L. (2003). *Glubinnaya Rossiya: 2000-2002 [Deep Russia: 2000-2002]*. Moscow: Novoye Izd-vo.
- Heidegger, M. (n.d.). *Tvorcheskiy landschaft: Pochemu my ostaemsya v provintsii? [Creative Landscape: Why do we stay in the province?]*. Retrieved March 23, 2023, from <https://askrsvarte.org/blog/v...provincii/>
- Kapustin, P. V. (2012). Opyt fenomenologicheskogo analiza arkhitekturno-proektnoi kategorii "mesto" [Experience of phenomenological analysis of architectural and design category of "place"]. *Architecture and design in contemporary society: Russian experience and global trends*. Proceedings of all-Russian scientific conference, October 23-24, 2012 (pp. 40-42). Ekaterinburg: Architecton.
- Kapustin, P. V. (2012, December 4). *Smysly, kak i vse "gumanitarnoe", davno otneseny k fakultativnoi chasti. Kommentarii Petra Kapustina k lektsii Aleksandra Rappaporta [Meanings, like everything "humanitarian", have long been relegated to the elective part. Commentary of Petr Kapustin to the lecture of Alexander Rappaport]*. ARCHI.ru. Retrieved March 25, 2023, from http://archi.ru/agency/news_current.html?nid=45112
- Kapustin, P. (2017). West East: Imagining the Line. *Project Baikal*, 14(54), 66-70. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.54.1251>
- Kapustin, P. (2019). A "healthy city" and a living place. *Project Baikal*, 16(60), 90-95. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.60.1479>
- Kapustin, P. (2020). Regional schools: From projects to hopes. *Project Baikal*, 17(65), 168-171. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.65.1703>
- Kopylov, G. G. (1993). Region-set i regionalnye programmy [Region as a network and regional programs]. *Kentavr*, 2, 16-22. Retrieved March 23, 2023, from https://www.kentavr.mathedu.ru/text/kentavr_1993_2
- Levintov, A. E. (1991). Ot raiona k region: Na puti k khozyaistvennoi geografii [From district to region: On the way to economic geography]. *Voprosy metodologii*, 3, 45-52. Retrieved March 23, 2023, from <https://www.fondgp.ru/publications/от-района-к-региону-на-пути-к-хозяйству/>
- Lynch, K. (1982). *The image of the city*. Moscow: Stroyizdat.
- Rappaport, A. (2017). On provincialism. *Project Baikal*, 14(52), 50-52. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.52.1161>
- Shchipkov, V. A. (2017). *Regionalism kak ideologiya globalizma: Monografiya [Regionalism as the ideology of globalism: A monograph]*. Moscow: MGIMO-Universitet.